

УДК 902.904 (470.56)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.44.69>

Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья

© 2024 г. Файзуллин И.А.

Keywords: The Late Bronze Age, building traditions, Orenburg Cis-Urals, ground-based constructions

Түйін сөздер: кейінгі қола дәуірі, құрылыс дәстүрлері, Орынбор Урал маңы, жерүсті құрылысы

Ключевые слова: поздний бронзовый век, строительные традиции, Оренбургское Предуралье, наземные постройки.

Ildar Faizullin¹

¹Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia.
ORCID: [0000-0002-0243-8183](https://orcid.org/0000-0002-0243-8183) E-mail: ildar-1988@mail.ru

Building traditions of the population of the Late Bronze Age in the territory of the Orenburg cis-Urals

The article is devoted to the buildings of the Late Bronze Age on the territory of the Orenburg cis-Urals. Thirteen settlements were excavated on the studied territory, of which only seven buildings were discovered. The dimensional characteristics of the buildings are comparable to monuments in neighboring regions, however, larger buildings have also been studied on them, which are absent in our region. The ground-based constructions without poles are represented by 7 buildings. This group dominates and is a distinctive feature of the territory under consideration. The predominance of land-based buildings in the region may reflect the way of farming. Sufficiently mobile cattle breeding did not involve the construction of heavy dwellings and domestic constructions. It was important to fix constructions very fast to make them available for living again in case of frequency changes the residential places.

Source of funding: The work was supported by the RNF grant № 23-68-10006 “Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals”.

For citation: Faizullin, I. 2024. Building traditions of the population of the Late Bronze Age in the territory of the Orenburg cis-Urals. *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 44–69 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.44.69](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.44.69)

Ильдар Асхатович Файзуллин¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, аға ғылыми қызметкер, Орынбор мемлекеттік педагогикалық университеті, Орынбор қ., Ресей

Орынбор Урал маңы аумағындағы кейінгі қола дәуірі тұрғындарының құрылыс дәстүрлері

Мақала Орынбор Урал маңы аумағындағы кейінгі қола дәуірі құрылыстарына арналған. Зерттелген аумақта 13 қоныста қазба жұмыстары жүргізіліп, солардың тек жетеуінен ғана жерүсті құрылыстары табылды. Құрылыстардың өлшем сипаты көрші өңірлердегі ескерткіштерге сәйкес келеді, десе де арасында біздің өңірде кездеспейтін ірі құрылыстар да зерттелді. Бағанасыз салынған жерүсті құрылыстар

Ильдар Асхатович Файзуллин¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья

Статья посвящена постройкам позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья. На исследованной территории раскопкам было подвергнуто 13 поселений, из них только на семи были обнаружены постройки. Размерные характеристики построек сопоставимы с памятниками в соседних регионах, однако на них исследованы и более крупные сооружения, которые в нашем регионе отсутствуют.

жеті құрылыстан тұрады. Қарастырып отырған аумақта осы топ басым және оның ерекше сипаты болып отыр. Өңірдегі жерүсті құрылыстарының көп болуы шаруашылық жүргізу тәсілдерін көрсетуі мүмкін. Жайылымды жиі ауыстыратын малшаруашылығында үлкен тұрғын үйлер мен шаруашылық құрылыстар салынбайды. Жиі көшіп-қонып жүрген кезде қайта қоныстану үшін құрылыстың жылдам жөнделетін болуы маңызды рөл атқарады.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс РҒҚ №23-68-10006 «Оңтүстік Урал маңындағы пәнаралық зерттеулер тұрғысындағы қола және ерте темір дәуіріндегі этномәдени процестер» грантының қолдауымен орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Файзуллин И.А. Орынбор Урал маңы аумағындағы кейінгі қола дәуірі тұрғындарының құрылыс дәстүрлері. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 44–69-бб.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.44.69](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.44.69)

Бесстолбовые строения наземного типа представлены семью постройками. Данная группа доминирует и является отличительной чертой рассматриваемой территории. Преобладание наземных построек в регионе может отражать способ ведения хозяйства. Достаточно подвижное скотоводство не предполагало возведения мощных жилых и хозяйственных строений. При частой смене места проживания ключевую роль играла возможность быстрого ремонта построек для повторного заселения.

Источник финансирования: Работа выполнена при поддержке гранта РФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

Для цитирования: Файзуллин И.А. Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья. *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 44–69. [DOI: 10.52967/akz2024.2.24.44.69](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.44.69)

1 Введение

Жилые и хозяйственные постройки являются важным и неотъемлемым компонентом традиционной материальной культуры, тесно связанным с различными сторонами общественной жизни. В то же время необходимо отметить, что тип сооружения во многом зависит от природно-климатических условий, в которых проживали представители той или иной археологической культуры. Постройки являются источником познания традиций и новаций в хозяйственной деятельности человека. Е.Е. Кузьмина отмечала, что тип жилища в древних социумах зависел от ряда причин. Это, прежде всего, – степень оседлости населения, его хозяйственно-культурный тип, природные условия и имеющийся в распоряжении материал для строительства. Формирование типа жилищ шло опытным путём на протяжении довольно длительного времени [Кузьмина 1994: 64].

Этнографические данные показывают, что тип жилища зависит не только от природно-климатических условий и экономической целесообразности, но и от традиций домостроительства, которые могли сохраняться довольно долгое время у определённой группы населения.

Целью данной работы является обобщение всех построек позднего бронзового века Оренбургского Предуралья. Исходя из этого, были поставлены следующие задачи: описание всех построек в регионе; анализ морфологических характеристик (размеры, внутренние конструкции); соотнесение рассматриваемых объектов с постройками в соседних регионах; попытка их реконструкции на основе уже имеющихся примеров воспроизведения на поселениях Волго-Уралья; определение функционального назначения построек.

2 Материалы и методы

2.1 Методика исследований

На территории Западного Оренбуржья раскопками было исследовано тринадцать поселений, из них только на семи были обнаружены постройки: на II Кузьминковском, Родниковом, Покровском, Токском, Ивановском, Горном и Малоюлдашевском (рис. 1)* (*Все иллюстрации к статье подготовлены автором). Анализу были подвергнуты 11 построек с территории Оренбургского Предуралья. Данные о постройках получены из научных отчётов, хранящихся в архиве ИА РАН, а также в

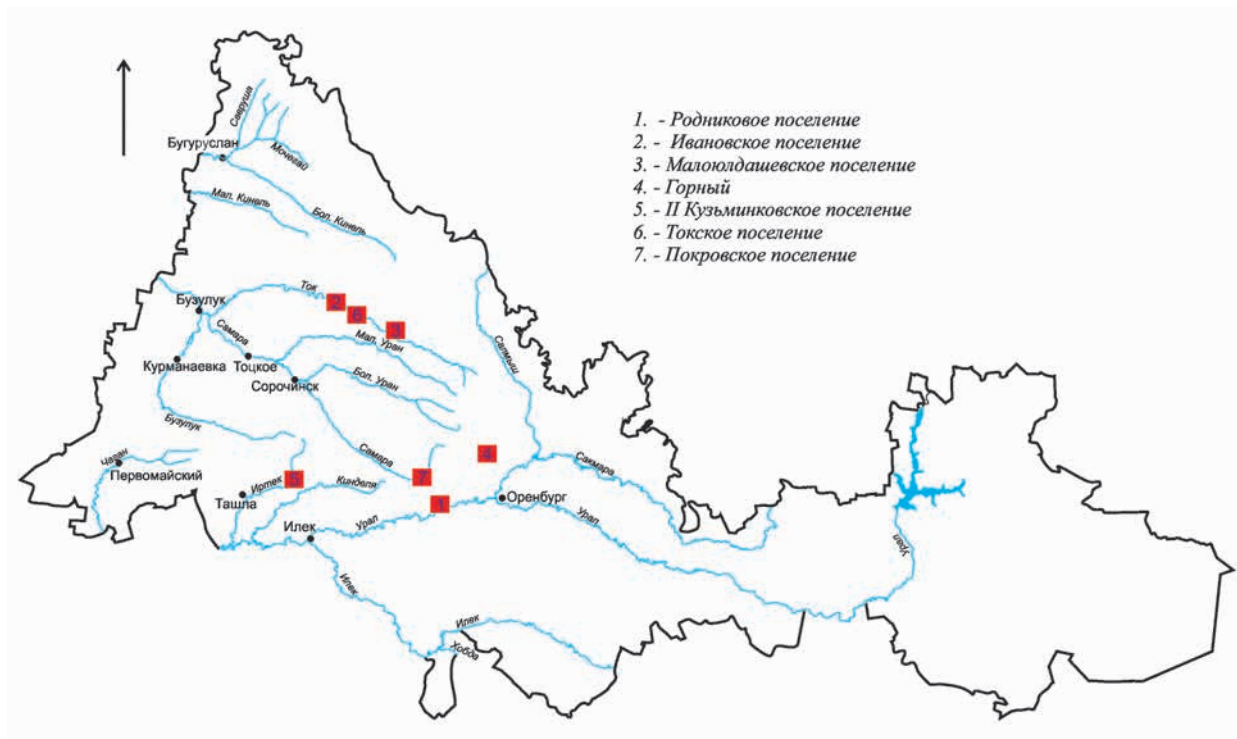

Рис. 1. Схема распространения поселений эпохи поздней бронзы Оренбургского Предуралья 1-сур. Орынбор Урал маңындағы кейінгі қола дәуірі қоныстарының таралу сызбасы
Fig. 1. Scheme of distribution of settlements of the Late Bronze Age of the Orenburg cis-Urals

архиве археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, из публикаций материалов раскопок.

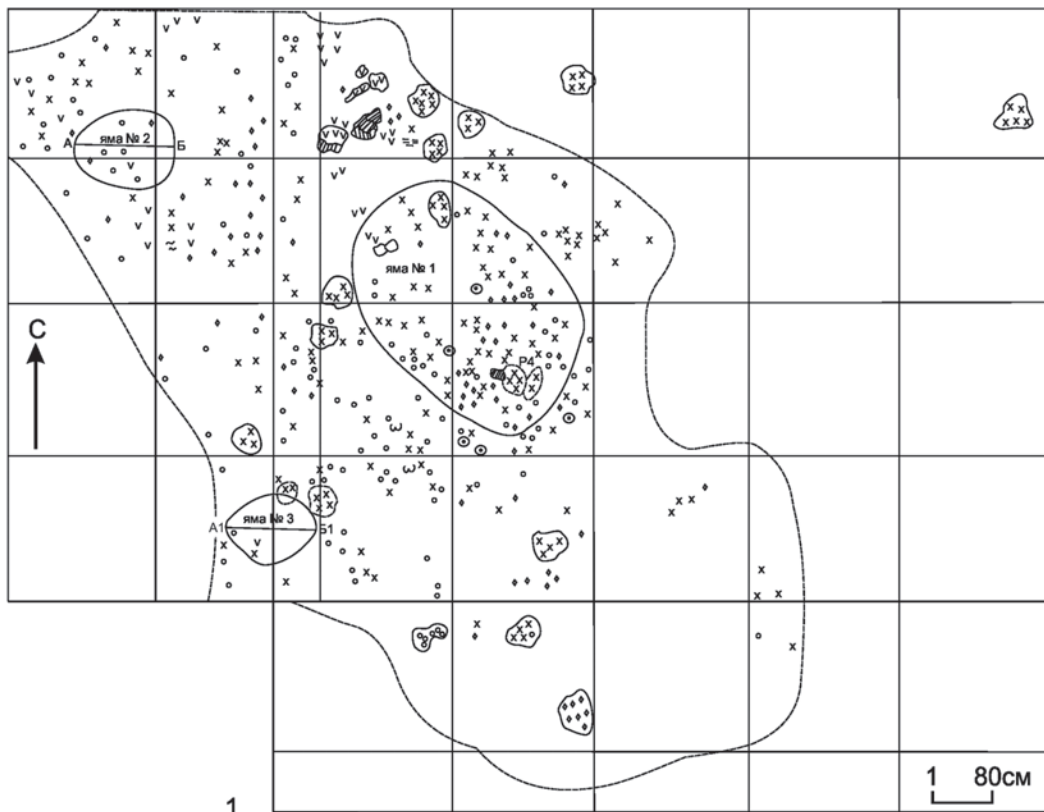
2.2 Характеристика материала

Источником исследования являются 11 построек с территории Оренбургского Предуралья: *Родниковое поселение*.

В ходе двух полевых сезонов было исследовано 1168 кв. м поселения. На его территории изучено два сооружения [Купцова, Файзуллин 2012: 70–100].

Постройка 1 (рис. 2, 1) имеет котлован подпрямоугольной формы размерами 13×5 м и глубиной 25 см от уровня материка. Жилище длинной стороной было обращено к ручью, выходы из сооружения не прослежены, следы деревянных конструкций отсутствуют.

Интересной и сложной по своему устройству являлась хозяйственная яма, которая служила погребом (рис. 2, 2). Она была вырыта возле восточной стенки жилища, имела овальные очертания, её диаметр составлял около 3 м у поверхности. На глубине 90 см яма резко сужалась, образуя ступеньку. Диаметр дна ямы – 1.2 м, глубина от уровня материка – 3.1 м. Авторы раскопок интерпретировали данное сооружение как погреб для хранения продуктов, исходя из большого количества раздавленных сосудов, костей животных и птиц, которые были обнаружены на уступе. Однако, исходя из конструкции, мы можем также интерпретировать его как колодец. Вероятно, данная конструкция изначально могла создаваться как колодец, но затем могла использоваться как погреб.

- Условные обозначения:
- — - контур ямы на гл. -184
 - C₁ - развалы сосудов
 - ▭ - кости животных
 - 1, 2 - следы от столбов
 - ▨ - материк
 - ▧ - красная глина
 - ▩ - темно-серая глина
 - ▬ - угли
 - - камни
 - ◐ - скопление камней
 - Х - керамика
 - V - уголь
 - - кость
 - ◇ - медный шлак
 - ⊙ - кальцинированная кость
 - ω - раковина

Рис. 2. Родниковое поселение: 1 – постройка 1; 2 – яма-погреб
 2-сур. Родниковое қонысы: 1 – құрылыс 1; 2 – жерқойма шұңқыры
 Fig. 2. Spring settlement: 1 – building 1; 2 – pit cellar

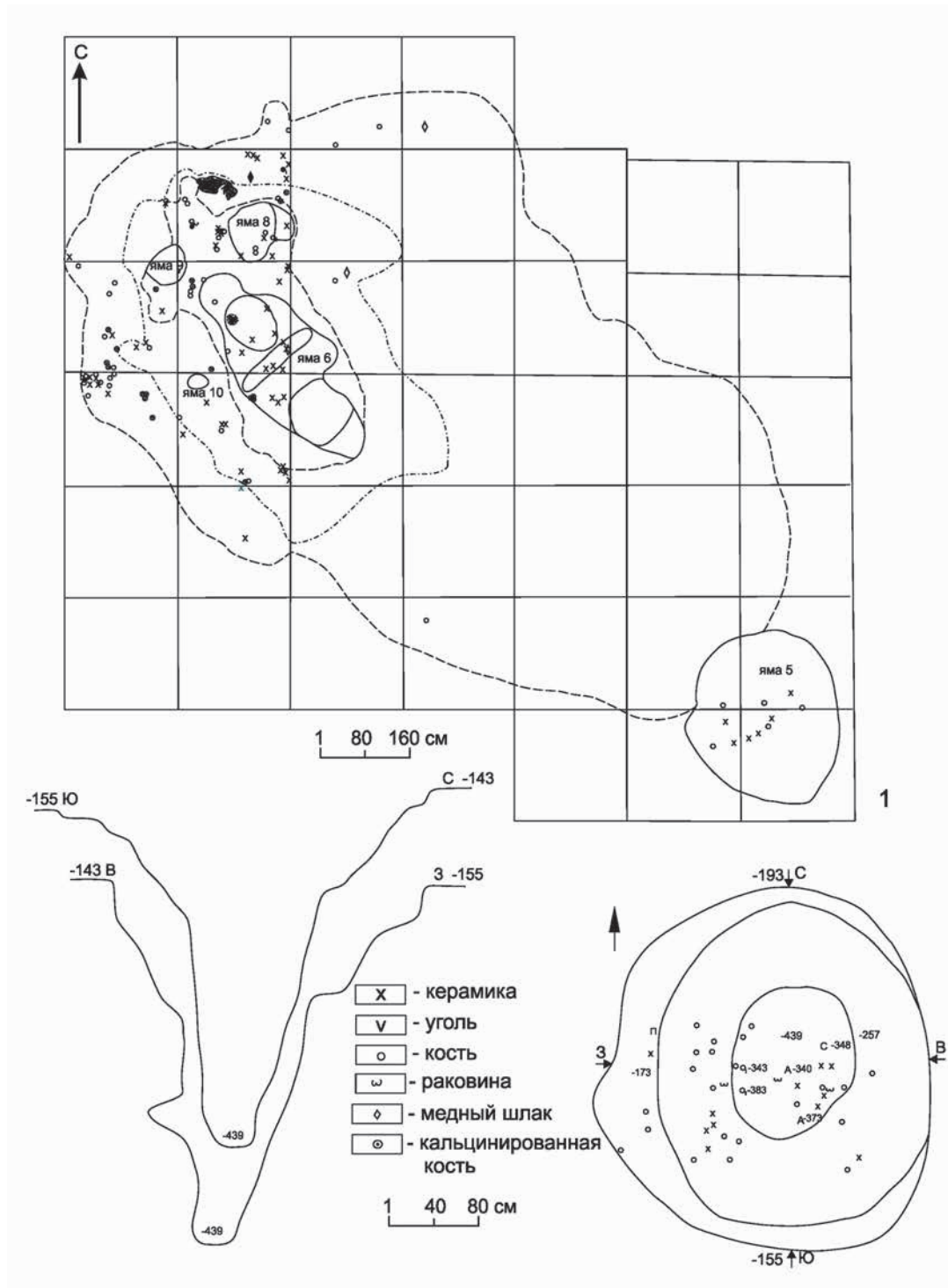

Рис. 3. Родниковое поселение: 1 – постройка 2; 2 – яма 5 – колодец 3-сур. Родниковое қонысы: 1 – құрылыс 2; 2 – шұңқыр 5 – құдық
Fig. 3. The spring settlement: 1 – building 2; 2 – pit 5 – well

Постройка 2 располагалась в 14 м к северо-западу от сооружения № 1. Постройка представляла собой прямоугольный котлован, продольной осью ориентированный по линии ЮВ–СЗ (рис. 3). Размеры 14×7 м, глубина от материка 20–30 см. В северо-западной части котлована выявлено четыре ямы. Яма № 6 занимала центральное положение среди остальных. Она имела вытянутую овальную форму, размеры 2.05×0.85 м. Дно неровное, максимальная глубина от материка 0.9 м. Вероятно, данная яма была небольшим погребом. К юго-восточной стенке сооружения примыкала яма № 5, служившая на поселении колодцем. На уровне материка яма имела округлые очертания диаметром 2.3–3.0 м. На глубине 0.9 м от материка она сужалась, приобретая диаметр 80–90 см, а у дна – около 40 см. Глубина колодца 4.39 м от нуля или 2.96 м в материке.

Кузьминковское поселение (рис. 4). Котлован имел подпрямоугольную форму, длинной стороной вытянутой по линии СВ–ЮЗ. Размеры котлована 20×7.5 м, глубина в материке 13–30 см. Стенки котлована пологие, оплывшие. В северо-восточной части, по краю котлована на уровне материка тянулась полоса прокаленной красноватой глины шириной 30–60 см, мощностью 3–15 см и пятна

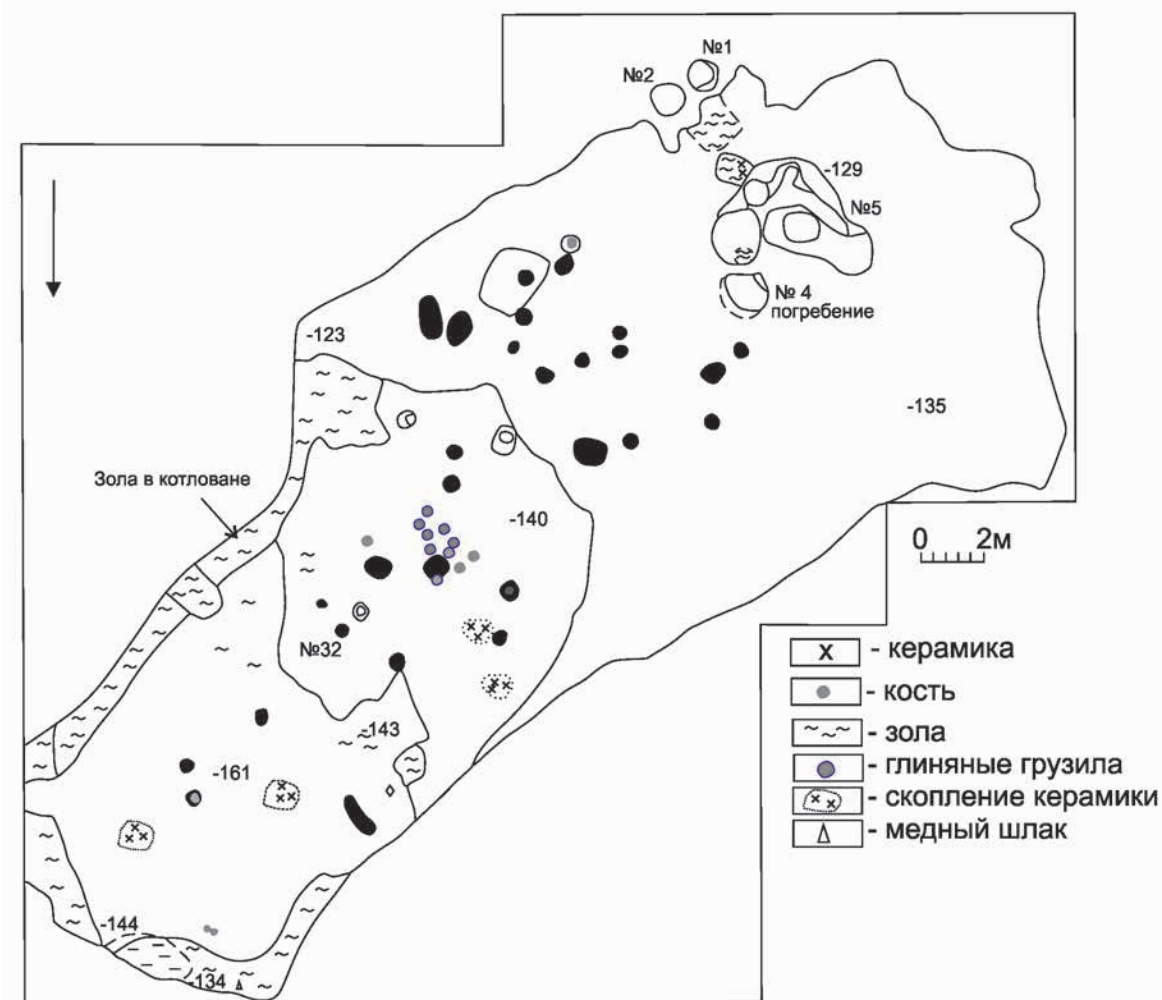

Рис. 4. Кузьминковское поселение: 1 – постройка
4-сур. Кузьминковское қонысы: 1 – құрылыс
Fig. 4. Kuz'minkovskoye settlement: 1 – building

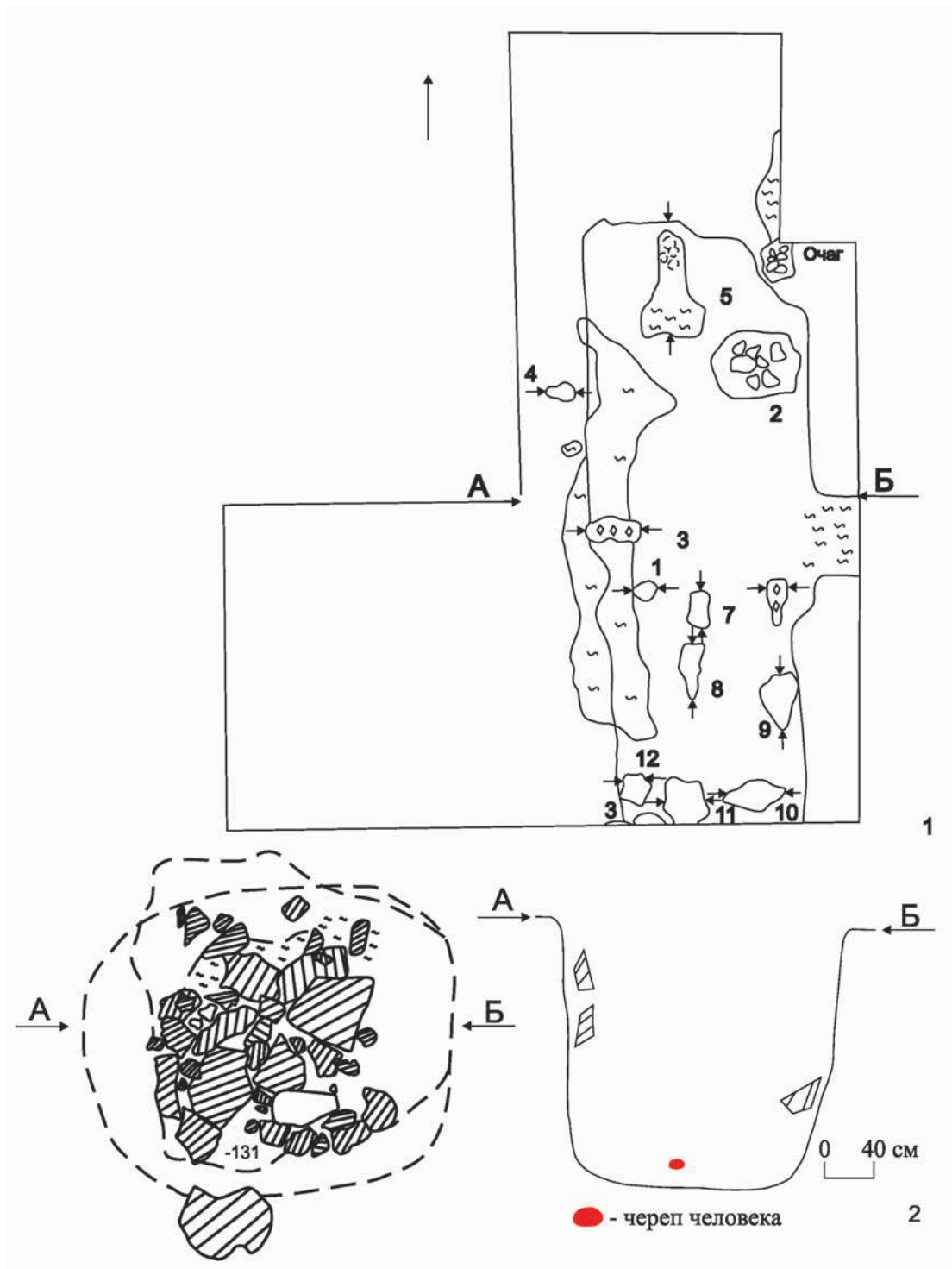

Рис. 5. Покровское поселение: 1 – постройка 1; 2 – яма 2 – колодец
5-сур. Покровское қонысы: 1 – құрылыс 1; 2 – шұңқыр 2 – құдық
Fig. 5. Pokrovskoye settlement: 1 – building 1; 2 – pit 2 – well

зола и угля. Возможно, материковой глиной было присыпано основание стен жилища [Моргунова и др. 2001]. Отметим, что в данной постройке были обнаружены многочисленные следы металлообработки в виде шлаков, заготовок изделий из металла, а также литейные формы [Ankushev et al. 2023: 244–247].

Покровское поселение

Постройка 1 (рис. 5, 1). Котлован имел вытянутую с севера на юг овальную форму размерами 18.5×7.5 м и глубину в материк 55–60 см. В заполнении котлована вдоль западной его стенки тянулась полоса золы вперемешку с грунтом шириной 1.5 м и мощностью 55–60 см. Возможно, это часть сгоревшей постройки. Самым большим сооружением в постройке была яма 2 размерами 2.6×3.0 м и глубиной 2.6 м от уровня материка (рис. 5, 2).

Постройка 2 (рис. 6, 1). На территории раскопа II было выявлено пять глубоких ям, служивших, видимо, колодцами или погребями. Ямы располагались по одной линии в направлении ЮЗ–СВ, на расстоянии от 1.0 до 8.5 м друг от друга, только яма 1 находилась западнее этого ряда. Яма 2 имела массивную каменную кладку (рис. 6, 2), на уровне материка имела размеры 300×300 см и углублялась в материк на 275 см. На уровне 160 см от края она сужалась, образуя в северо-западной части ступеньку шириной 0.8–1.6 м.

Яма 3 (рис. 6, 2), находившаяся в северо-восточной части раскопа, имела сохранившуюся каменную кладку и была идентична по размерам и конструкции яме 2 в раскопе I. На уровне материка она имела неправильные овальные очертания 330×250 см [Порохова 1989].

Токское поселение

В центральной части раскопа исследована постройка (рис. 7), котлован её прорезал предматериковый слой и углублялся в материк на 30–40 см. Котлован имел форму вытянутого прямоугольника с округлыми углами, ориентированного по линии ЮВ–СЗ. Длина исследованной части 13 м, ширина 4.3–5.8 м. Стенки в материке пологие, оплывшие, выявлялись не всегда достаточно чётко.

В центре постройки изучен колодец с хорошо сохранившейся кладкой из камня (рис. 8). Кладка имела округлую в плане форму размерами 1.97×2.27 м. У стен яма была забутована почвенным грунтом вперемешку с материковым суглинком. Забутовка укрепляла каменную кладку в центре ямы – жерло колодца (-287 см) [Ankushev et al. 2022: 41–44].

Ивановское поселение

Постройка 1 обнаружена на глубине 156–160 см от нулевой отметки на уровне перехода от энеолитического слоя к неолитическому. Пятно имело овально вытянутые очертания и хорошо оконтуривалось полосой чистой золы, в которой встречались кусочки угля. Размеры жилища 10.8×6.2 м.

Постройка 2 была углублена в нижележащий слой, пятно выделялось на его фоне жёлтым цветом. Оно имело вытянутые подпрямоугольные очертания, вытянутые по оси Ю–С. Длина 6 м, ширина 3.2 м. На глубине 108–110 см от нулевой линии пятно уменьшилось до размеров 2.4×2.6 м. Оно уходило под северную стенку раскопа.

В целом, Ивановское поселение заселялось неоднократно. Самым древним населением посёлка являлось население периода неолита и энеолита. Рассматриваемые постройки, судя по стратиграфии и керамическому материалу, были оставлены носителями срубной культуры [Моргунова, Порохова 1989: 160–172].

Поселение у хутора Горного

Постройка площадью 115–120 м² характеризуется формой неправильного прямоугольника (примерно 13×9 м), вытянутого по линии запад–восток [Черных и др. 1999: 77].

В жилом отсеке постройки полы были плотно утопаны, толщина этого слоя варьировалась от 1 до 3 см. В своей основе это суглинок, в котором присутствовали следы золы, угольной пыли и малахитовой крошки.

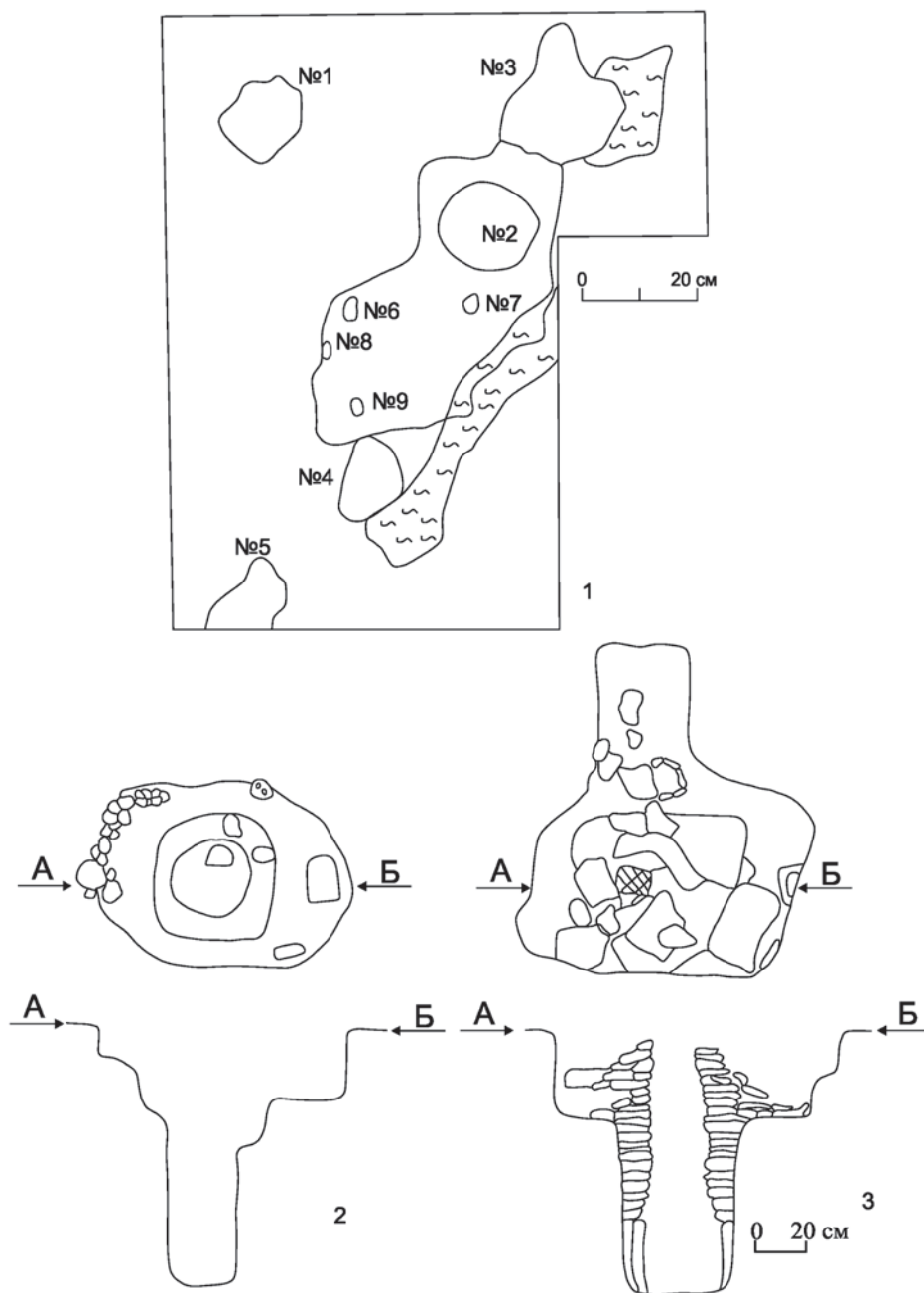

Рис. 6. Покровское поселение: 1 – постройка 2; 2 – колодец 2; 3 – яма-погреб 6-сур. Покровское қонысы: 1 – құрылыс 2; 2 – құдық 2; 3 – жерқойма шұңқыры
Fig. 6. Pokrovskoye settlement: 1 – building 2; 2 – well 2; 3 – pit cellar

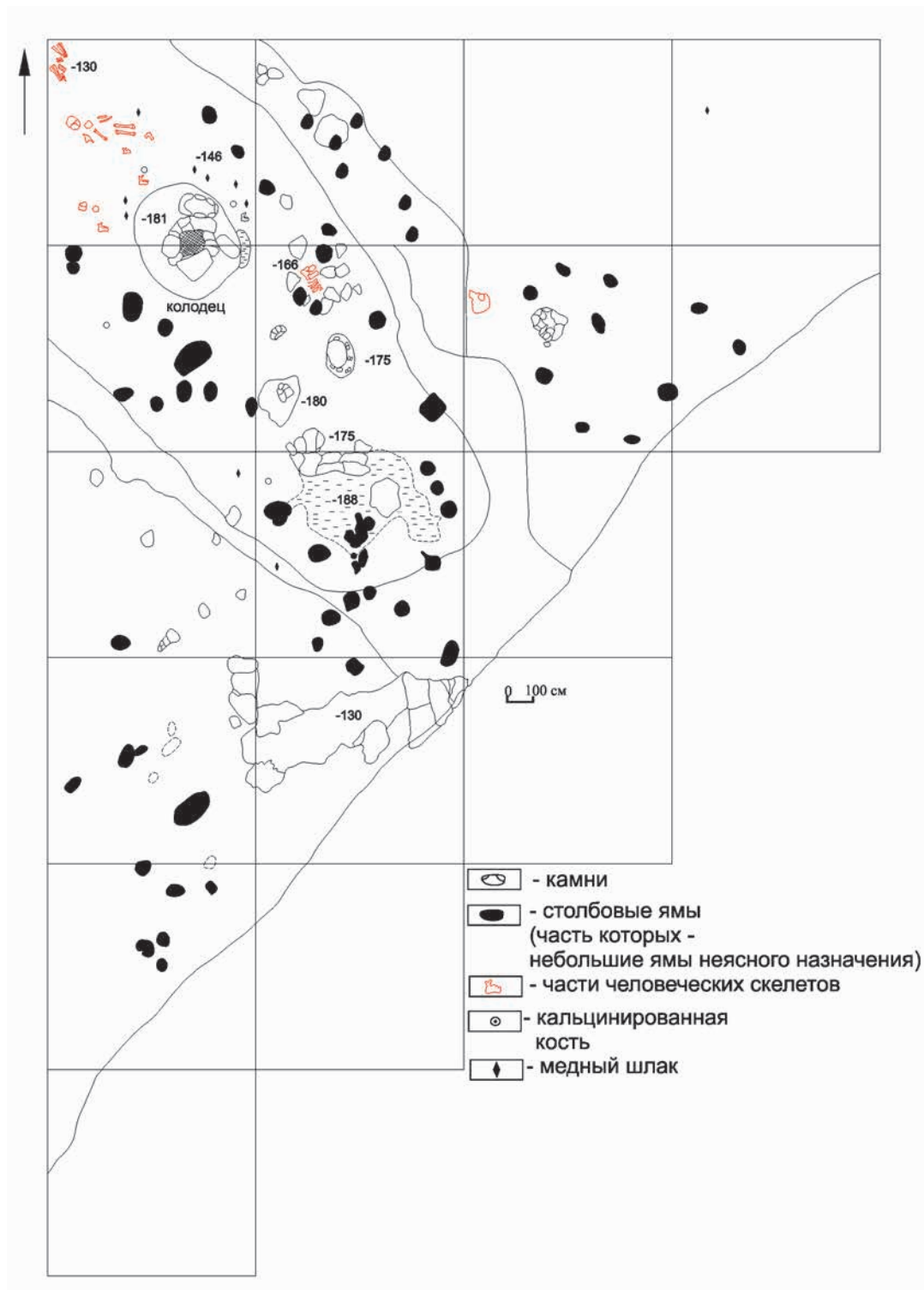

Рис. 7. Токское поселение. Постройка 7-сур. Токское коньсы. Құрылыс
 Fig. 7. Tokskoye settlement. Construction

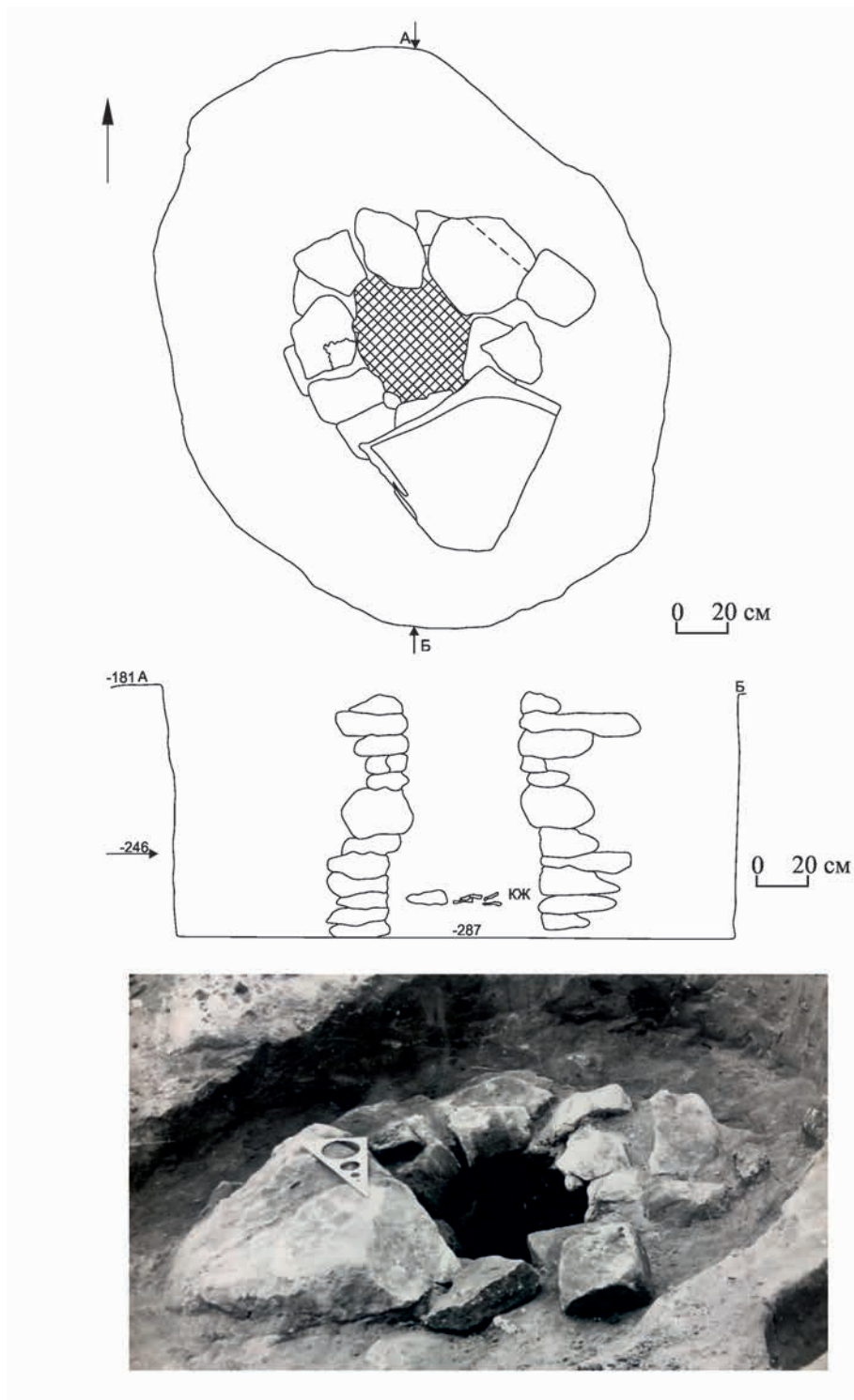

Рис. 8. Токское поселение. Колодец
8-сур. Токское қонысы. Құдық
Fig. 8. Tokskoye settlement. Well

Неподалеку от центра, но слегка смещённая к восточной части жилого помещения, располагалась большая округлая в плане печь диаметром 1.6–1.8 м. Внутри печи обнаружена большая масса золы и пепла. Основу хозяйственной части постройки составил плавильный двор, который примыкал к жилому помещению с запада.

Малюлдашевское поселение

На территории поселения исследовано две постройки с каменным основанием [Евгеньев и др. 2016: 26–37].

Постройка 1 (рис. 9). На западных участках поселения выявлены остатки каменного сооружения, представлявшие собой систематическую кладку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную в меридиональном направлении, состоящую из камней различной формы и размеров.

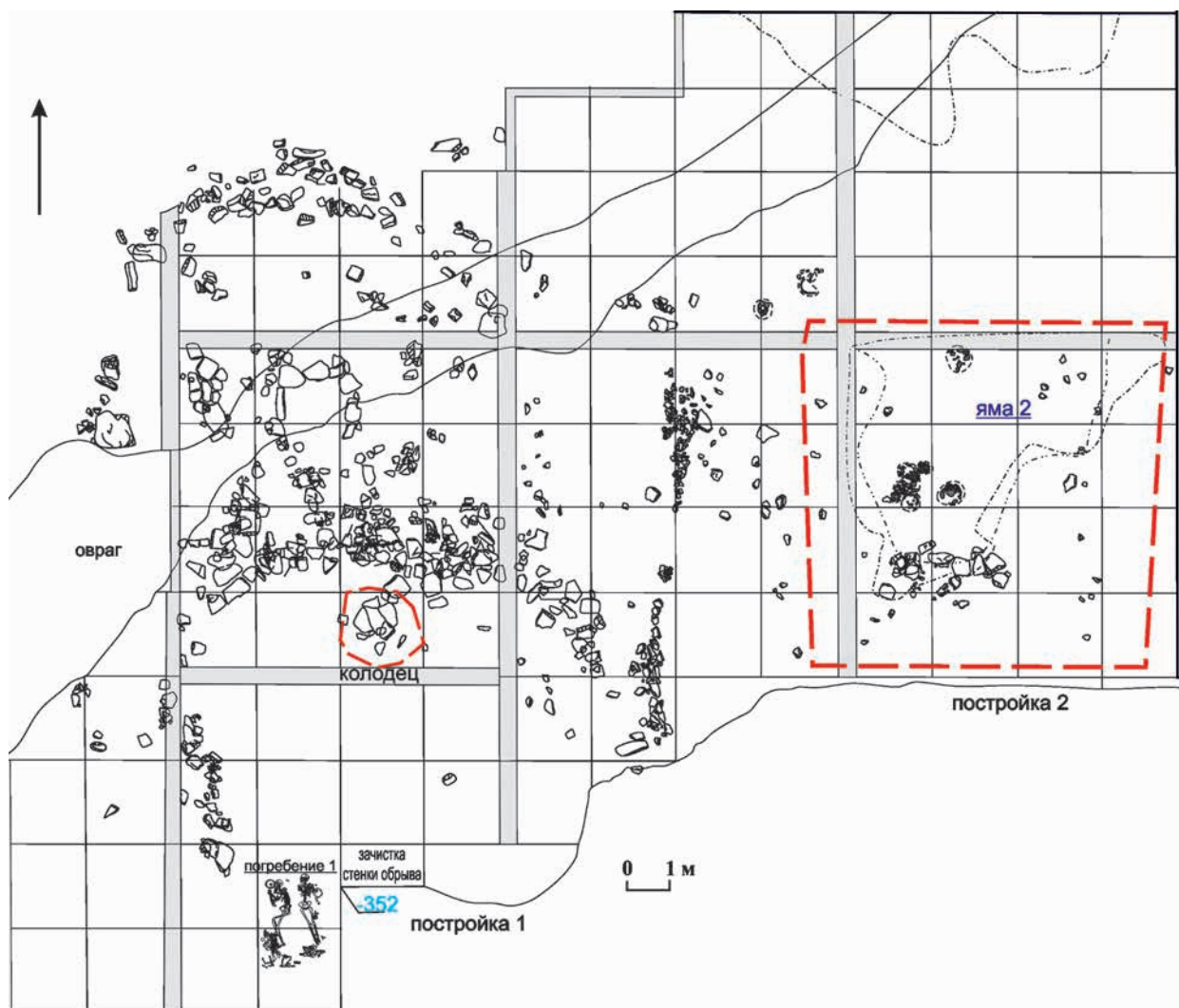

Рис. 9. Поселение Малюлдашево I. Постройки 1 и 2
9-сур. Малюлдашево I қонысы. Құрылыс 1 және 2
Fig. 9. Settlement of Maloyuldashevo I. Buildings 1 and 2

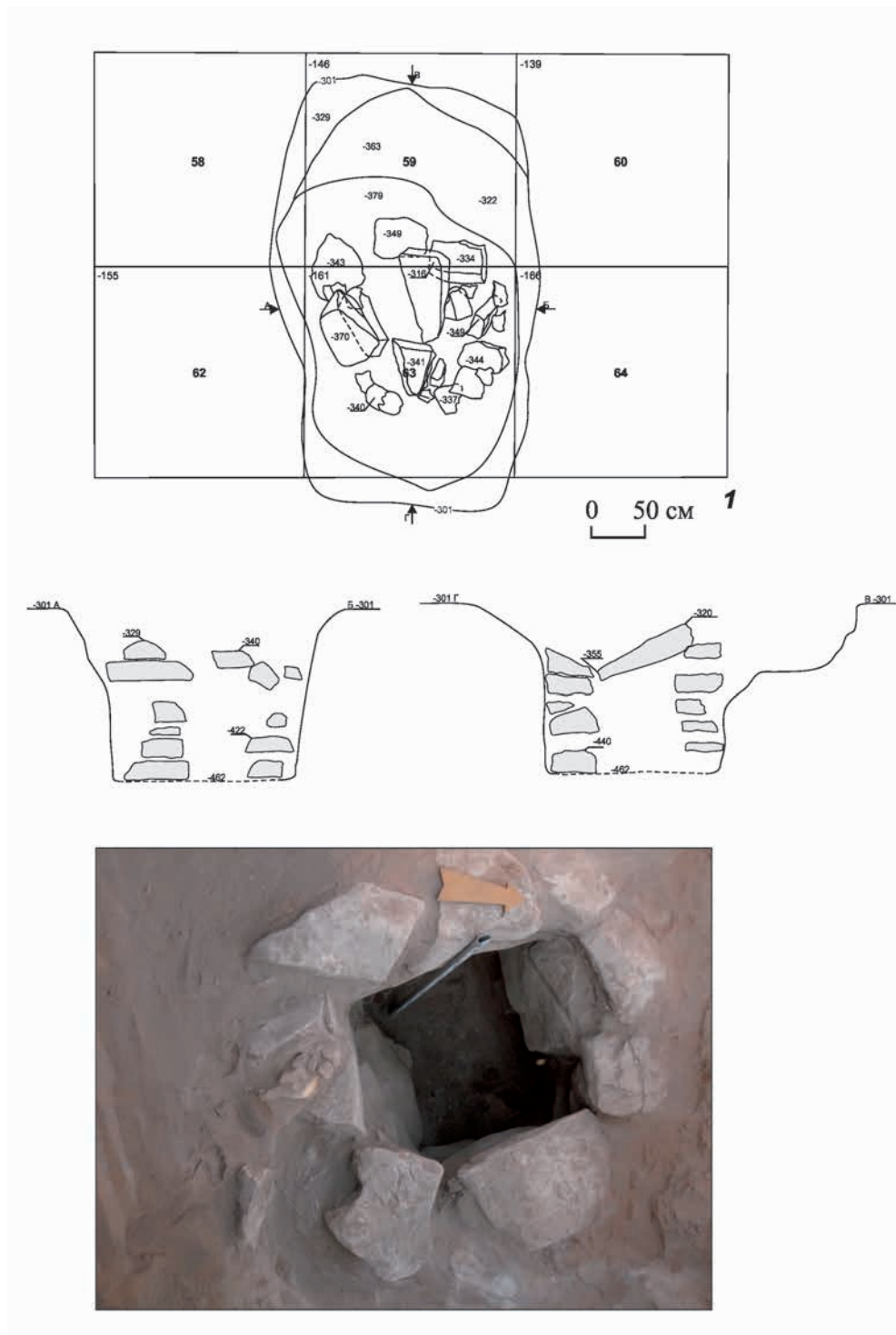

Рис. 10. Поселение Малоюлдашево I. Яма 1. Колодец
10-сур. Малоюлдашево I қонысы. Шұңқыр 1. Құдық
Fig. 10. Settlement of Maloyuldashevo I. Pit 1. Well

Глубина залегания камней, составляющих каменную конструкцию – от -126 до -267 см от 0, что связано с естественным понижением рельефа поселения с севера на юг. Между некоторыми камнями отмечена обмазка из белой глины, использовавшейся в качестве связующего раствора. Общая площадь раскопа, на которой зафиксированы остатки каменного сооружения, – 14×18 м.

В южной части постройки была обнаружена яма 1 (рис. 10) неправильной округлой формы. В глубину конструкция достигала 1.7 м. Она сложена следующим образом: в верхней части располагались плоские плиты, внутри – массивные необработанные булыжники. Заполнение между камнями состояло из грунта, щебня, золы, угля. Вероятно, данное сооружение являлось колодцем. По причинам, не зависящим от археологов, изучить его до конца не удалось, исследование было остановлено на глубине 160 см от уровня материка.

Постройка 2. Исходя из скопления материала и концентрации камня восточнее постройки 1, можно предположить наличие на поселении второй постройки. Она, так же, как и первая, представляла собой наземное сооружение. Скопление камней от постройки ориентировано по линии запад-восток. В ходе работ на глубине -183 см от 0 была выявлена яма 2 неправильных очертаний, размерами 5×6 м. Вероятно, яма 2 являлась котлованом постройки, практически незаглубленной в материк.

3 Результаты и обсуждение

По своим параметрам постройки позднего бронзового века Оренбургского Предуралья можно разделить на две группы:

- большие, размер которых превышает 100 кв. м;
- малые, размер которых варьируется от 35 до 73 кв. м.

К первой группе отнесено пять построек (пос. Родниковое, строение 2; постройка Кузьминское пос; пос. Покровское, строение 1; постройки пос. Горный; пос. Малоюлдашево строение 1).

К числу больших построек относится постройка 1 Малоюлдашевского поселения, её площадь составила около 250 кв. м. Данная конструкция сильно выбивается из размерного ряда построек в регионе. Однако при этом необходимо отметить, что у данной постройки отсутствовало заглубление в материк, а сам материк представлял собой песок. Размеры постройки были определены по контуру камней, которые были частью основания и, возможно, стен данного строения. Столь большие размеры могут быть объяснены тем, что при разрушении строения камень распространился на некоторое расстояние от стен, существующих в древности.

Ко второй группе отнесено шесть строений (пос. Родниковое строение 1; пос. Ивановское строения 1 и 2; постройка Токского пос.; пос. Покровское строение 2; пос. Малоюлдашевское строение 2). При этом размер построек никак не отражает функциональное назначение и разнообразие внутрижилищных конструкций. Так, к примеру, в постройке с Токского поселения, размер которой составлял 73 кв.м, был расчищен колодец, а также две хозяйственные ямы, заполненные медными шлаками. Кроме того, постройка имела столбовую конструкцию.

Размерные характеристики построек сопоставимы с памятниками в соседних регионах, однако на них исследованы и более крупные постройки, которые в нашем регионе отсутствуют.

Так, в Башкирском Зауралье отмечены две постройки, характеризующиеся значительными размерами. Это строения на поселениях Сактар (постройка 420 кв. м) и Тавлыкаевское (строение 429 кв. м) [Бахшиев 2014: 14]. Все остальные размерные группы соотносятся с материалами Оренбургского Предуралья и имеют похожее культурное наполнение в слое поселений.

В Самарском Поволжье также отмечены постройки как малых размеров, так и больших, площадь которых превышает 100 кв. м [Васильев 2010: 74–77]. Помимо этого, в данном регионе

изучена постройка I Сусканского поселения, площадь которой составляет 336 кв. м [Мерперт 1958: 115-116].

По глубине жилых котлованов все постройки были разделены на две группы (табл. 1):

- наземные;
- полуземлянки.

Таблица 1 – Классификация построек по глубине жилых котлованов
1-кесте – Құрылыстарды тұрғын қазаншұңқырлардың тереңдігі бойынша жіктеу
Table 1 – Classification of buildings by depth of residential pits

К *полуземлянкам* были отнесены постройки с заглублением котлованов в материк более чем на 50 см. В данном случае сам котлован мог использоваться как часть стены строения. Наземные постройки практически не имеют углублений в материк, и основная часть стен в подобных строениях возводилась отдельно и была самостоятельной конструктивной единицей.

Сходный принцип классификации построек был применен для территории Башкирского Зауралья [Бахшиев 2014: 14–16] и Волго-Камья [Чижевский 2007: 103-104].

Среди изученных построек к полуземлянкам можно отнести только две: строение 1 Покровского поселения и жилищно-хозяйственный комплекс с поселения Горный на Каргалы. Заглубление котлованов построек в данном случае превышало 50 см в материк.

В обеих полуземлянках были выявлены опорные столбы. На поселении Горный они располагались хаотично и имели различный диаметр, что затрудняет реконструкцию комплекса. На Покровском поселении также были обнаружены столбовые ямки, расположенные бессистемно.

К *наземным* отнесено девять построек. Во всех этих строениях глубина котлована в материке была меньше 50 см, в ряде случаев заглубление в материк являлось незначительным. Иногда контур построек условен, зачастую определяется по концентрации материала и внутрижилищным конструкциям, в виде хозяйственных ям, погребов и колодцев.

Все наземные постройки подразделяются на *столбовые* и *бесстолбовые*. К столбовым относятся две, это постройки с Токского и II Кузьминковского поселений.

На II Кузьминковском поселении в застройке зафиксирована одна основная осевая линия столбов, которая проходила вдоль по центру жилой части жилища – это основная несущая линия, на которую вероятно опирались коньковые балки. Столбы, которые поддерживали нижние края стропил северо-восточного и юго-западного скатов крыши, не обнаружены, но на месте их нахождения, по этому же периметру, зафиксирована листовая прослойка.

На Токском поселении было выявлено 25 столбовых ям, расположенных вдоль стен, что предполагает иное строение крыши, чем на II Кузьминковском поселении. Здесь, вероятнее всего, упор делался на несущие стены, а варианты сооружения крыши могли быть очень разнообразны. Постройки подобного типа имеют широкие аналогии на территории Евразии [Мерперт 1958: 99–110; Морозов 2017: 171–187].

Бесстолбовые постройки наземного типа представлены в регионе семью постройками (Малоюлдашевское поселение строения 1 и 2; Ивановское поселение строения 1 и 2; Родниковое поселение, строения 1 и 2; Покровское поселение строения 2). Все постройки практически не заглублялись в материк.

На территории степной Евразии отмечено достаточно большое количество наземных бесстолбовых построек. Возможность их использования для проживания и хозяйственной деятельности отмечена на территории Самарского Поволжья [Васильев 2010: 76]. В Башкирском Зауралье известны жилища без столбовых конструкций на I Береговском, Тавлыкаевском поселения [Горбунов 1989: 60–82], схожие постройки на поселениях срубной культуры отмечены и на Дону [Гак 2011: 8–16].

Реконструкция построек

К настоящему времени в литературе, посвященной бытовым памятникам позднего бронзового века, высказано множество вариантов реконструкции построек со столбовыми конструкциями [Мерперт 1958; Березанская 1990; Лопатин 2002; Морозов 2017]. Наличие ямок от столбов и глубина котлована, если он есть, во многом определяет воссоздаваемую авторами постройку. Широко известность получила реконструкция Н.Я. Мерпертом постройки Сусканского поселения. Было отмечено, что постройка представляла собой большую прямоугольную полуземлянку, со значительной и сложной наземной конструкцией. Основу наземной конструкции составляла большая двускатная кровля, каждая сторона которой опиралась на продольную балку, поддерживаемую рядом столбов. Из-за того, что ширина котлована была достаточно широкой, перекрыть её путём установки одной коньковой балки было достаточно сложно. Нижние концы балок кровли опирались на землю, верхние перекрещивались выше опорных лаг [Мерперт 1958: 115–117].

Единственной постройкой, которую можно реконструировать по схожей модели, является постройка с Токского поселения. Там также выявлены столбовые ямы в два ряда, при установке балок, как на реконструкции Сусканского строения, вполне можно повторить двускатную кровлю. Однако постройка с Токского поселения не была сильно углублена в материк, там он был слегка подрезан. Несмотря на это различие, можно реконструировать данную постройку таким же образом.

В остальных случаях столбы располагались хаотично, что предполагает самые разные варианты их использования, а также реконструкции крыши построек. Больше вопросов вызывает реконструкция наземных бесстолбовых строений. Исходя из имеющихся данных, судить о конструкции построек можно лишь предположительно. Для оформления пола был выбран грунт от уровня древней поверхности до материка. Небольшое заглубление, видимо, имело чисто утилитарную цель, и должно было обеспечить более комфортное проживание.

Фундамент, если он был, можно выделить только на постройках с Малоюлдашевского поселения. Фундаментом сооружений служили крупные камни, которые равномерно укладывались по периметру строения.

Стены могли быть изготовлены из дерновых блоков или мазаного плетня, следы которых не сохранились до нашего времени. На поселении Саргары Г.Б. Здановичем была исследована постройка, в конструкции стен которой применялись плетнёвые стены [Зданович 1983: 71-72]. Еще одним вариантом сооружения стен мог быть деревянный сруб или какой-либо другой вариант конструкции из этого материала. Ранее уже высказывалось предположение об использовании дерева для наземных построек Оренбургского Предуралья в эпоху бронзы на основании наличия сложных надмогильных и внутримогильных деревянных сооружений в могильниках срубной культуры [Файзуллин И. 2015: 80–86; Файзуллин И. и др. 2021: 79–89].

При этом хочется отметить, что еще в эпоху ранней и средней бронзы на рассматриваемой территории население обладало всеми возможностями для высококлассной обработки дерева. Артефакты из меди выявленные в захоронениях, интерпретируются как плотницкий инвентарь [Моргунова, Файзуллин А. 2018: 35–60]. Приведённые данные свидетельствуют о давней традиции обработки дерева, которая получила дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы.

Ю.А. Морозов предполагает, что заготовкой строительного материала население занималось в зимнее время, так как срубленный зимой лес более прочный и дольше не подвергается гниению [Морозов 2017: 171–175]. Также хочется отметить Курманаковское поселение на территории Республики Татарстан. На многослойном поселении были обнаружены хорошо сохранившиеся брёвна, которые были частью конструкции, представлявшей из себя переход между двумя постройками [Лыганов 2021: 31–34, рис. 4А]. И.Л. Кызласов отмечает, что со временем от бревенчатой избушки остаётся такое же ровное место, как и от войлочной юрты [Кызласов 2005]. Он также обосновал возможность использования наземных сооружений из дерева, доказывая это тем, что в эпоху раннего железа на рассматриваемой им территории существовали сложные надмогильные и внутримогильные конструкции в виде срубов из дерева.

Этнография дает ряд примеров использования легких каркасных строений у кочевников. Так, тувинцы в XVIII-XIX вв. практиковали применение нескольких вариантов наземных строений, среди которых были как деревянные срубы, так и каркасные строения [Вайнштейн 1991: 31].

Вопрос о форме крыши наземных построек поднимался неоднократно. М.П. Грязнов единственно возможным способом оформления крыши считал опирающийся на края котлованов пирамидальный сруб с плоским верхом [Грязнов 1953: 137–148].

В дальнейшем В.А. Ромашко, отмечал, что нагрузка действительно ложилась на края котлована, однако в устройстве самой кровли применялась не система пирамидального сруба, а более конструктивно целесообразная стропильная шатровая конструкция, обычная для традиционного домостроительства многих древних и современных народов Восточной Европы [Ромашко 2001: 133].

Как уже отмечалось ранее, интересной по своей каменной конструкции являются постройки с Малоюлдашевского поселения. В поисках аналогий представленным постройкам были изучены бытовые памятники бронзового века как с территории Оренбургского Предуралья, так и с сопредельных территорий. Ни на одной из известных построек Оренбургского Предуралья камень не был основным строительным материалом, лишь изредка он использовался для обрамления кострищ и очагов, либо для укрепления колодцев и хозяйственных ям. Наиболее интересными в этом плане являются хозяйственные ямы-погребка с Родникового и Покровского поселений, которые были очень качественно укреплены камнем по периметру [Купцова, Файзуллин И. 2012: 73–76, рис. 4]. До исследования Малоюлдашевского поселения в регионе полностью отсутствовали постройки, характеризующие традицию каменного домостроения, однако, как мы видим, камень использовался в ряде случаев для обустройства некоторых конструкций.

В памятниках Самарского Поволжья практически не было отмечено применение камня при возведении построек эпохи позднего бронзового века [Васильев, 2010: 74–77]. Лишь один памятник с указанной территории демонстрирует достаточно сходные строительные приемы. На поселении Михайло-Овсянка, исследованном Г.И. Матвеевой, была изучена постройка I на раскопе III [Матвеева и др. 2004: 75–77]. Изученное строение представляло собой котлован шириной 6.5 м, длиной, по мнению авторов, не менее 9 м. Глубина котлована достигала 1.1 м. Авторами раскопок были изучены каменные стены вдоль северного и южного бортов котлована. Для выкладки использовался известняк различных форм и без видимой обработки, схожий с тем, который был найден в рассматриваемой постройке. Отметим, что постройка 1 с Малоюлдашевского поселения всё же больше по размерам и не имеет столь значительного заглубления в грунт.

Несмотря на небольшие различия в постройках, объекты с Михайло-Овсянки являются наиболее близкими к Малоюлдашевским как в культурном наполнении, так и в строительных приемах. Авторы раскопок подчёркивали, что поселений с каменным домостроением в регионе больше не отмечено.

Бытовые памятники Башкирского Приуралья и Зауралья также очень близки в культурном плане рассматриваемым поселениям. Однако ни на одном из раскопанных поселений не было встречено каменного домостроения [Морозов 1983: 19–40; Горбунов 1989: 60–82; Бахшиев 2014].

На территории Восточного Оренбуржья отмечены постройки алакульской культуры, в строительстве которых активно применялся камень. На поселениях Ушкатты, Шандаша, Тасты-Бутак из камня возводились перегородки, сооружались очаги, и в некоторых случаях из него делали основания стен [Кузьмина 1994; Зданович 1988: 141]. Схожие традиции отмечаются и в Центральном Казахстане [Маргулан и др. 1966; Goryachev, Frachetti 2022].

При всей схожести с постройками Малоюлдашевского поселения, культурологическое содержание материала в данных памятниках значительно отличается: в их основе содержатся материалы, характерные для андроновских культур.

Ранее именно с андроновским влиянием связывали использование камня, который являлся достаточно распространённым материалом для перекрытия могил [Горбунов, Морозов 1991:91; Обыденнов, Обыденнова 1992: 146]. В последующем, с накоплением материала в регионе, было отмечено, что камень в погребальной практике срубной культуры начинает использоваться ещё до первых контактов населения срубной культуры с андроновскими племенами [Купцова 2014: 65–74]. В этой связи и постройки с каменным основанием Малоюлдашевского поселения достаточно сложно связывать с восточным влиянием. При этом на поселении отмечена немногочисленная группа сосудов срубно-андроновского облика, технология изготовления которых в основном тяготеет к срубным гончарным традициям, что говорит о культурной доминанте населения срубной культуры.

Наиболее близкие в культурном плане памятники срубной культуры с применением камня в домостроительстве известны на территории Левобережной Украины [Шарафутдинова 1982: 11–42], в частности – в Северо-Восточном Приазовье [Горбов, Привалова 1989; Горбов 1997], и на Нижнем Дону [Ларенок 2000; Цыбрий 2013]. Традиция возведения построек с каменным основанием и стенами отмечается на данной территории с конца средней – начала поздней бронзы. Данный приём в домостроительстве характеризует некоторые постройки бабинской культуры, однако максимального расцвета он достигает в срубное время и в памятниках финальной бронзы [Горбов 1997: 148–149].

Сооружения, близкие постройкам поселения Малоюлдашево I, были исследованы на территории Донецкого края. На Степановском поселении срубной культуры была изучена серия построек, каменные основания которых не были сильно заглублены в материк и представляли собой большие конструкции [Бровендер 2012: 89–95].

Несмотря на достаточную удаленность от территории Оренбургского Предуралья, памятники указанных регионов максимально близки исследуемым постройкам. Так же, как и на Малоюлдашевском поселении, значительное число построек не заглублено в материк, в ходе строительства используется камень разных размеров. Кроме того, на указанных поселениях доминирует срубная культурная традиция. Таким образом, постройки с Малоюлдашевского поселения и постройки с Михайло-Овсянки в настоящее время являются немногими примерами каменного домостроительства у населения срубной культуры в Волго-Уральском регионе.

Конструкции внутри построек

Внутренние конструкции наряду с архитектурными приёмами при возведении стен и крыши постройки определяют её назначение и характеризуют хозяйственные предпочтения населения. Наиболее важными элементами в каждой постройке являются следующие:

Очаги и кострища

Кострища фиксируются в виде прокала грунта в местах расположения костров; очаги – в виде выложенных из камней площадок. На II Кузьминковском и Токском поселениях на территории построек выявлено по одному кострищу. На Покровском поселении зафиксирован очаг, который располагался в северной части жилища и имел вытянутую овальную форму. Южная часть углубления была покрыта тонким слоем золы с углями. На остальной части плоского дна ямы вертикально поставленными небольшими песчаниковыми камнями выложены четыре ячейки различного диаметра (от 30 до 70 см), перекрытые сверху каменными плитками. На камнях сохранился нагар. Другой очаг этого же поселения располагался за пределами жилища. Диаметр очажной ямы 1.6 м, глубина 0.7 м, она была заполнена мелкими камнями и золой. Ещё один очаг, располагавшийся вне постройки, обнаружен на Ивановском поселении. Он представляет собой сооружение, сложенное из бесформенных известняковых камней, которые, видимо, скреплялись раствором глины.

На поверхности глиняной платформы поселения Горного были обнаружены следы двух очагов – печей, где проводились разогрев и расплавление меди. Один из них представлял собой относительно крупную, прокаленную по дну и бокам плоскую ямку овально-округлой формы, размером 70×80 см, внутри которой, равно как и вокруг нее, оказалось большое количество древесного угля, а также обломков толстостенных ошлакованных плавильных тиглей. Другой очаг представлял собой скопление пережженных обломков песчаника с подмазками в несколько слоев из сильно обожженной глины или суглинка и напоминает корытообразное углубление.

Очаги и кострища с территории Западного Оренбуржья различаются по форме и функциональному назначению. Очаги со II Кузьминковского и Токского поселений представляют из себя круглые или близкие к овальным кострища открытого типа, известные как в срубных, так и андроновских древностях. Этот тип очага известен в Средней Азии, прежде всего у ираноязычных таджиков и памирцев, и устраиваются в домах мужских собраний [Кузьмина 1994: 80]. На Покровском поселении исследовано более сложное сооружение, двухкамерный очаг. Очаги подобного типа Е.Е. Кузьмина относит к очагам IV типа, используемых в производстве. Однако наиболее сложный по конструкции очаг был исследован на поселении у хутора Горный. Подобные очаги могли быть примитивными горнами, если принять во внимание тот факт, что данное поселение было местом бытования и работы профессиональных металлургов, наличие такого очага и интерпретация его как горна или металлургической печи не вызывает сомнений.

Как один из общих признаков жилища степной и лесостепной зоны Евразии, очаг универсален в основных своих показателях. Это открытый костёр, который разводили и, может быть, постоянно поддерживали в специальном углублении – костровой яме. Пологие стенки сильно прокалены. Огонь просушивал земляночный котлован и в какой-то мере предохранял жителей от кровососущих насекомых.

Колодцы. На поселениях Оренбургского Предуралья колодцы выявлены в пяти постройках (Родниковое – сооружение 2, Покровское сооружения 1 (рис. 4, 2) и 2 (рис. 5, 1), Токское (рис. 7) и Малоюлдашевское поселения (рис. 9). Колодцы встречены как в наземных бесстолбовых постройках, так и в полуземлянках и наземных строениях с использованием столбовой конструкции. Отсутствие закономерности в нахождении колодцев в постройках разных типов может говорить о стандартности применения данного элемента в постройках.

На уровне материка они имели неправильные овальные очертания в пределах 300×250 см. Верхняя часть была сложена из камней различных размеров, а в центре правильное квадратное или круглое отверстие. Камни плотно примыкали друг к другу и представляли собой кладку. В двух случаях отмечены следы деревянных конструкций, которые её подпирали. Принципиальных отличий в конструкции колодцев не отмечено, различия касаются только размеров. Лишь в одном случае, на Родниковом поселении в постройке 2 колодец не был укреплен камнем, возможно для укрепления стенок использовалось дерево, которое не сохранилось.

Обеспечение водой – одна из важнейших потребностей человека. Исследователи выделяют две стратегии по добыче водных ресурсов: пассивную (сбор дождевой воды, использование воды из водоёмов) и активную (сохранение воды и её активная добыча) [Корякова, Пантелеева 2019: 17]. К числу действий, характеризующих активную стратегию, относится строительство колодцев, самых доступных для древнего населения гидротехнических сооружений.

В обобщающей работе по колодцам позднего бронзового века Урало-Казахстанского региона И.П. Алаева отмечает, что они впервые появляются на поселениях синташтинской культуры [Алаева 2002: 7–9]. Данные сооружения долгое время интерпретировались исключительно как приспособления для водоснабжения населения. В дальнейшем, после публикации большого массива данных по синташтинским поселениям, появились исследования, которые связывали колодцы с металлургическим производством [Григорьев 2000: 448]. Такой вывод был сделан по выборке колодцев, к которым либо примыкали, либо находились близко печи или очаги. Так, в 43 постройках было выделено 45 комплексов колодец-очаг (печь) [Алаева 2002: 7–9]. Отметим, что на Токском поселении колодец также располагался вблизи очага, и в его заполнении были встречены шлаки.

Однако в последующем данная гипотеза была подвергнута сомнению. Так, на укрепленном поселении Каменный Амбар исследователи изучили 15 колодцев синташтинской культуры и не нашли прямой взаимосвязи между колодцами и металлургическим производством [Корякова, Пантелеева 2019: 24].

Для населения срубной и алакульской культур И.П. Алаевой было доказано применение колодцев только для водоснабжения. Аргументируется это тем, что колодцы не связаны с печами, никак не связаны с металлургическим производством и имеются не во всех постройках [Алаева 2002: 9].

В связи с тем, что большинство колодцев с поселений Оренбургского Предуралья не было связано с печами, встречаются они только в половине изученных построек и оставлены населением срубной и срубно-алакульской культурных групп, мы можем предположить их использование исключительно как средства водоснабжения.

Хозяйственные ямы. На территории поселений было обнаружено 35 хозяйственных ям. Формы ям разнообразны: овальные, круглые, подпрямоугольные.

Наибольший интерес представляют две хозяйственные ямы, глубина которых вполне сопоставима с колодцами, однако большое количество инвентаря в конструкциях, а также наличие ступенек в виде полок, могут говорить об их использовании в качестве погребов. Особый интерес вызывают погреба с Родникового (рис. 2, 2) и Покровского (рис. 5, 3) поселений. Яма овальных очертаний, диаметром около 3 м у поверхности. На глубине 0.9 м стенки ямы резко сужались, образуя ступеньку.

Погреба можно было использовать для хранения любых групп продуктов питания. Малые ямы, диаметр которых иногда составлял лишь 20–30 см и глубину в материке 10–20 см, могли использоваться для различных хозяйственных нужд. Они могли служить как место хранения, являться частью конструкции стен и опор жилища, а также использоваться в ритуалах.

М.Ф. Косарев отмечает, что во многих случаях эти ямы содержат не хозяйственные запасы и не бытовые отходы, а приношения, адресованные «нижним» духам, чтобы снискать их расположение и тем самым обезопасить жилище и его обитателей. Зарывание в землю, равно как и намеренная порча («умерщвление») зарываемых вещей, являлось, по сибирско-языческим верованиям, самым верным и надёжным способом отправление «посылки» в Нижний мир, в том числе в Страну мертвых. Поэтому истинное назначение древних «хозяйственных ям», на его взгляд, скорее всего, может быть по-настоящему раскрыто прежде всего с учётом семантики традиционной жертвенной и погребальной обрядности [Косарев 2008: 6].

Функциональное назначение строений

Рассматриваемые постройки были разделены по функциональному назначению на две группы:

- хозяйственно-производственные (мастерские);
- жилищно-хозяйственные.

Конструктивные особенности, внутрижилищные конструкции и материалы с площади построек стали критериями включения построек в ту или иную группу.

В первую группу вошли строения с узкой специализацией (металлургическое, керамическое, кожевенное производства и др.), к ним отнесены постройки с Горного и Токского поселений. Они являлись специализированными постройками (мастерскими) – сооружениями, выполняющими производственно-ремесленные функции.

Основными критериями их выделения являются следы металлургической деятельности. В представленных постройках в большом количестве найдены куски медной руды, медного шлака, оплавленные камни песчаника. На Токском поселении рядом с каменной кладкой колодца были найдены две каменные ванны [Ankushev et al. 2022: 41–44]. Одна из них представляла собой монолит с выдолбленным корытообразным углублением. Аналогичные находки были обнаружены на поселении металлургов эпохи бронзы на Донбассе [Татаринов 1988: 99]. Обычно они интерпретируются исследователями как ванны для промывки и обогащения медной руды. На поселении Горный производственным сооружением является глиняная платформа, которая представляет в какой-то мере уникальное для срубной культуры глинобитное сооружение, служившее базой для размещения двух очагов или печей для обработки металла достаточно простой конструкции [Черных 1999].

Ко второй группе сооружений отнесены постройки, которые, по всей видимости, являлись в эпоху бронзы наиболее массовыми. Жилищно-хозяйственные постройки представляют собой сооружения, в которых совмещены функции жилого и хозяйственно-бытового назначения. Основными критериями для их выделения является наличие жилого помещения и части строения, специально отведенной для хозяйства. В хозяйственной части постройки часты находки заготовок костяных, керамических, каменных или металлических изделий. В ряде случаев удалось проследить следы осветительного кострища, а также хозяйственные ямы. К постройкам этой группы относятся два сооружения на II Кузьминковском и Покровском поселениях, которые являются самыми большими по площади. В обеих постройках зафиксированы столбовые ямки, которые располагались, в большинстве своем, в жилой части помещения по периметру и в центре. Хозяйственная же часть, вероятно, имела легкую каркасную конструкцию, следы от которой не сохранились.

4 Заключение

Большинство исследованных построек было оставлено населением срубной культуры. По своим основным характеристикам все постройки являлись хорошо приспособленными для проживания в степной зоне строениями. По размерным показателям постройки с рассматриваемой территории имеют полный набор вариантов, от небольших до крупных. Такая картина наблюдается и в сопредельных регионах. В Оренбургском Предуралье строительные традиции отличаются тем, что большинство построек носило наземный характер.

Преобладание наземных построек в регионе может отражать способ ведения хозяйства. Достаточно подвижное скотоводство не предполагало возведение мощных жилых и хозяйственных построек. При частой смене места проживания ключевую роль играла возможность быстрого ремонта построек для повторного заселения [Файзуллин, Рослякова 2016: 249–260]. В то же время, практически все наземные постройки имели сложные внутренние конструкции, такие как колодцы, очаги, погреба, которые позволяли населению заниматься и другими видами хозяйства. Так, на всех рассмотренных поселениях отмечены следы металлообработки, косторезного дела и других сфер хозяйственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алаева И.П. Колодцы бронзового века Урало-Казахстанского региона // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2002. С. 7-9.
- 2 Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): м-лы междунар. науч. конф. (г. Самара, 12–14 мая 2014 г.) / Отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Самара: ПГСГА, 2014. С. 11-24.
- 3 Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 152 с.
- 4 Бровендер С.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск: ДонГТУ, 2012. 234 с.
- 5 Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- 6 Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Отв. ред. Л.Н. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 64–86.
- 7 Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. 224 с.
- 8 Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. 1997. № 6. С. 145-162.
- 9 Горбов В.Н. Привалова О.Я. Поселения срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. обл. научн.-практ. семинара. Донецк: [б.и.], 1989. С. 35-38.
- 10 Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев: КГПИ, 1989. 134 с.
- 11 Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкирское книжн. изд-во, 1991. 160 с.
- 12 Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Рифей, 2000. С. 444-531.
- 13 Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева // КСИИМК. 1953. Вып. L. С. 137-148.
- 14 Евгеньев А.А., Куцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: изд. центр Оренб. гос. аграрн. ун-та, 2016. 196 с.
- 15 Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1983. С. 48-68.
- 16 Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей. Свердловск: изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.

- 17 *Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е.* Колодцы укрепленного поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 17-28.
- 18 *Косарев М.Ф.* Жилище и его место в системе традиционных миропредставлений // Поселения как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии): тез. докл. междунар. конф. (г. Москва, 25-26 ноября 2008 г.). М: ИА РАН, 2008. С. 6-8.
- 19 *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М: Восточная литература, 1994. 464 с.
- 20 *Купцова Л.В.* Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. 2014. Вып. 11. С. 177-195.
- 21 *Купцова Л.В., Файзуллин И.А.* Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. 2012. Вып. 10. С. 70-100.
- 22 *Кызласов И.Л.* Пратюркские жилища. М.; Самара: ИА РАН, 2005. 96 с.
- 23 *Ларенок В.А.* Планиграфия и архитектура Мокро-Чалтырского поселения // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 26-28.
- 24 *Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов: изд-во Саратовск. гос. ун-та, 2002. 136 с.
- 25 *Лыганов А.В.* Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в нижнем течении реки Черемша // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 29-46.
- 26 *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
- 27 *Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И.* Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: изд-во СГПУ, 2004. Вып. 2. С. 75-77.
- 28 *Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 61. С. 45-157.
- 29 *Моргунова Н.Л., Порохова О.И.* Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж: ВГУ, 1989. С. 160-172.
- 30 *Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А.* Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест: Stratumplus. 2018. № 2. С. 35-60.
- 31 *Моргунова Н.Л., Халыпин М.В., Халыпина О.А.* П Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Издательство ОГПУ. 2001. Вып. 5. С. 99-126.
- 32 *Морозов Ю.А.* Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 19-40.
- 33 *Морозов Ю.А.* Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. Уфа: УНЦ РАН, 2017. 231 с.
- 34 *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Саратовский университет, Самарский филиал, 1992. 176 с.
- 35 *Порохова О.И.* Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья / Под ред. Ю.А. Морозова, А.Х. Пшеничнюка. Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 60-71.
- 36 *Ромашко В.А.* Опыт реконструкции домовых форм срубно-белозерской культуры Украины. Домовые ландшафты и ландшафты домовых форм // Проблемы археологии и архитектуры. В 2-х томах. Т. 1: «Археология». Донецк; Макеевка: журнал «Донбасс», 2001. С. 132-145.
- 37 *Татаринов С.И.* Сезонное жилище горняков-металлургов эпохи бронзы у села Пилипчатино в Донбассе // Советская археология. 1988. № 4. С. 96-113.
- 38 *Файзуллин И.А.* К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 80-86.
- 39 *Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Афонин А.С., Григорьев А.П., Евгеньев А.А., Капинус Ю.О., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Сверчкова А.Э., Файзуллин А.А.* Комплексы эпохи поздней бронзы и раннего железного века I курганного могильника у села Твердилово (Оренбургская область) // Археологические памятники Оренбуржья. 2021. Вып. 15. С. 79-123.
- 40 *Файзуллин И.А., Рослякова Н.В.* К вопросу о подвижности животноводства у населения Оренбургского Предуралья в эпоху поздней бронзы // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху

- поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия: м-лы Всерос. научн.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто / Отв. ред. И.И. Бахшиев. Уфа: Диалог, 2016. С. 61-67.
- 41 Цыбрий Т.В. Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы домостроительства на Нижнем Дону в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.
- 42 Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие.) // Российская археология. 1999. № 1. С. 77–102.
- 43 Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II–I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. Казань: Алма–Лит, 2007. С. 93–112.
- 44 Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. 160 с.
- 45 Ankushev M., Faizullin I., Artemyev D., Blinov I. // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2020. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences.* Springer, Cham. 2022. Pp. 41–52. DOI: [10.1007/978-3-030-86040-0_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-86040-0_4)
- 46 Ankushev, M. N., Faizullin, I. A., Blinov, I. A., Artemyev, D. A. Metallurgical Slags of the II Kuzminkovskoe Bronze Age Settlement (Southern Cis-Urals) // Ankusheva, N., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A., Ankushev, M., Ankusheva, P. (eds) *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences.* Springer, Cham. 2023. Pp. 244–252. DOI: [10.1007/978-3-031-46424-9_23](https://doi.org/10.1007/978-3-031-46424-9_23)
- 47 Goryachev, A. A., Frachetti, M. D. Traditions of Settlement in Bronze Age Zhetysu (Kazakhstan) // *Kazakhstan Archeology.* 2022. 2 (16). Pp. 24–56. DOI: [10.52967/akz2022.2.16.24.56](https://doi.org/10.52967/akz2022.2.16.24.56)

REFERENCES

- 1 Alaeva, I. P. 2002. In: Kiryushin, Y. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Severnaya Evraziya v epohu bronzy (Northern Eurasia in the Bronze Age)*. Barnaul: Altai State University, 7–9 (in Russian).
- 2 Bahshiev, I. I. 2014. In: Kuznetsov, P. F. (ed.). *Protseess kulturogeneza nachalnoy pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Uralskogo regiona (The process of cultural genesis of the initial period of the Late Bronze Age of the Volga-Ural region)*. Samara: Volga river Region State Academy of Social Sciences and Humanities, 11–24 (in Russian).
- 3 Berezanskaya, S. S. 1990. *Usovo ozero. Poselenie srubnoy kultury na Severskom Dontse (Usovo Lake. Settlement of a log cabin culture on the Seversky Donets)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- 4 Brovender, S. M. 2012. *Stepanovskoe poselenie srubnoy obshchnosti na Donetskoy kryazhe (Stepanovskoye settlement of the log cabin community on the Donetsk ridge)*. Alchevsk: Donbass State Technical University (in Russian).
- 5 Weinstein, S. I. 1991. *Mir kochevnikov tsentra Azii (The world of the nomads of Central Asia)*. Moscow: “Nauka” (in Russian).
- 6 Vasiliev, I. B. 2010. In: Kuznetsova, L. N. (ed.). *40 let Srednevolzhskoy arheologicheskoy ekspeditsii (40 years of the Middle Volga Archaeological expedition)*. Samara: “Ofort” Publ., 64–86 (in Russian).
- 7 Gak, E. I. 2011. *Poseleniya epohi bronzy na severnoy okraine donskoy lesostepi (Bronze Age settlements on the northern edge of the Don forest steppe)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- 8 Gorbov, V. N. 1997. In: *Arheologicheskiy almanakh (The Archaeological Almanac)*, 6, 145–162 (in Russian).
- 9 Gorbov, V. N., Privalova, O. Y. 1989. In: *Problemy ohrany i issledovaniya pamyatnikov arheologii v Donbasse (Problems of protection and research of archaeological monuments in Donbass)*. Donetsk, 35–38 (in Russian).
- 10 Gorbunov, V. S. 1989. *Poselencheskie pamyatniki bronzovogo veka v lesostepnom Priuralie (Settlement monuments of the Bronze Age in the forest-steppe Urals)*. Kuybyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).
- 11 Gorbunov, V. S., Morozov, Y. A. 1991. *Nekropol epohi bronzy Yuzhnogo Priuraliya (The Bronze Age necropolis of the Southern Urals)*. Ufa: “Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo” Publ. (in Russian).
- 12 Grigoriev, S. A. 2000. In: *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zauraliya (The ancient history of the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: “Rifey” (in Russian).
- 13 Gryaznov, M. P. 1953. In: *KSIMK (Brief communications of the Institute of Archaeology)*, 50, 444–531 (in Russian).

- 14 Evgeniev, A. A., Kuptsova, L. V., Muhametdinov, V. I., Roslyakova, N. V., Usachuk, A. N., Faizullin, I. A., Khokhlov, A. A. 2016. *Poselenie Maloyuldashevo I epohi neolita i pozdney bronzy v Zapadnom Orenburzhiye (The settlement of Maloyuldashevo I of the Neolithic and Late Bronze Age in the Western Orenburg region)*. Orenburg: Publishing center of the Orenburg State Agrarian University (in Russian).
- 15 Zdanovich, G. B. 1983. In: Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzovyy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (The Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluvium)*. Ufa: Bashkir State University, 48-68 (in Russian).
- 16 Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyy vek Uralo-kazahstanskih stepej (The Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes)*. Sverdlovsk: Ural University (in Russian).
- 17 Koryakova, L. N., Panteleeva, S. E. 2019. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Bulletin)*, 1 (62), 17-28 (in Russian).
- 18 Kosarev, M. F. 2008. In: Lopatina, O. A. (compl.). *Poseleniya kak istoricheskiy istochnik (teoreticheskie i metodicheskie podhody k izucheniyu poseleniyu v sovremennoy arheologii) (Settlements as a historical source (theoretical and methodological approaches to the study of settlements in modern archaeology))*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 6-8 (in Russian).
- 19 Kuzmina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Materialnaya kultura plemyon andronovskoy obshchnosti I proiskhozhdenie indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of the tribes of the Andronovo community and the origin of the Indo-Iranians)*. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).
- 20 Kuptsova, L. V. 2014. In: *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhiya (Archaeological sites of Orenburg region)*, 11, 177-195 (in Russian).
- 21 Kuptsova, L. V., Faizullin, I. A. 2012. In: *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhiya (Archaeological sites of Orenburg region)*, 10, 70-100 (in Russian).
- 22 Kyzlasov, I. L. 2005. *Pratyurkskie zhilishcha (Pre-Turkic dwellings)*. Moscow; Samara: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 23 Larenok, V. A. 2000. In: Usachuk, A. N. (ed.). *Arheologiya i drevnyaya arhitektura Levoberezhnoj Ukrainy i smezhnykh territoriy (Archaeology and ancient architecture of Left-Bank Ukraine and adjacent territories)*. Donetsk: "Skhidnij vidavnichij dim" Publ., 26-28 (in Russian).
- 24 Lopatin, V. A. 2002. *Srubnye poseleniya stepnogo Volgo-Uraliya (Srubnaya culture settlements of the Volga-Ural Steppe)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
- 25 Lyganov, A. V. 2021. *Arheologiya Evrazijskih stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 2, 29-46 (in Russian).
- 26 Margulan, A. K., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966 *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (The ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 27 Matveeva, G. I., Kolev Y. I., Korolev A. I. 2004. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arheologii Urala i Povolzhiya (Issues of the archaeology of the Urals and the Volga region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 75-77 (in Russian).
- 28 Merpert, N. Y. 1958. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii USSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)*, 61, 45-157 (in Russian).
- 29 Morgunova, N. L., Porokhova, O. I. 1989. *Poseleniya srubnoj obshchnosti (Settlements of the Srubnaya culture)*. Voronezh: Voronezh State University, 160-172 (in Russian).
- 30 Morgunova, N. L., Faizullin, A. A. 2018. In: *Stratum plus*, 2, 35-60 (in Russian).
- 31 Morgunova, N. L., Halyapin, M. V., Halyapina, O. A. 2001. In: *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of Orenburg region)*, 5, 99-126 (in Russian).
- 32 Morozov, Y. A. 1983. In: Pshenichnyuk, A. K., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniya i zhilishcha drevnikh plemyon Yuzhnogo Urala (Settlements and dwellings of ancient tribes of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences, 19-40 (in Russian).
- 33 Morozov, Y. A. 2017. *Aitovskoe poselenie epohi bronzy v Bashkirskom Priuralie (Aitovo settlement of the Bronze Age in the Bashkir Urals)*. Ufa: Ufa Scientific Center of the RAS (in Russian).
- 34 Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1992. *Severo-vostochnaya periferiya srubnoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti (The north-eastern periphery of the srubnaya cultural and historical community)*. Samara: Saratov University, Samara branch (in Russian).
- 35 Porohova, O. I. 1989. In: Morozov, Y. A., Pshenichnyuk, A. K. (eds.). *Materialy po epohe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzhiya (Materials on the Bronze Age and Early Iron of the Southern Urals and the Lower Volga region)*. Ufa: Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences, 60-71 (in Russian).

- 36 Romashko, V. A. 2001. *Problemy arheologii i arhitektury. V 2-h tomah. T. 1: Arheologiya (Problems of archaeology and architecture. In 2 vol. Vol. 1: Archaeology)*. Donetsk, Makeevka: Zhurnal «Donbass», 132-145 (in Russian).
- 37 Tatarinov, S. I. 1988. In: *Sovetskaya φrheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 96-113 (in Russian).
- 38 Faizullin, I. A. 2015. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 2 (29), 80-86 (in Russian).
- 39 Faizullin, I. A., Kuptsova, L. V., Afonin, A. S., Grigoriev, A. P., Evgeniev, A. A., Kapinus, Y. O., Kryukova, E. A., Muhametdinov, V. I., Roslyakova, N. V., Sverchkova, A. E., Faizullin, A. A. 2021. In: *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of Orenburg region)*, 15, 79-123 and 61-67 (in Russian).
- 40 Faizullin, I. A., Roslyakova, N. V. 2016. In: Bakhshiyev, I. I. (ed.). *Istoriko-kulturnye protsessy na Yuzhnom Urale v epohu pozdney bronzy: sovremennyye problemy izucheniya i sohraneniya kulturnogo naslediya (Historical and cultural processes in the Southern Urals in the Late Bronze Age: modern problems of studying and preserving cultural heritage)*. Ufa: "Dialog" Publ., 61-67 (in Russian).
- 41 Tsybriy, T. V. 2013. *Poselenie Yagodinka 2 i nekotorye voprosy domostroitelstva na Nizhnem Donu v epohu pozdney bronzy (The settlement of Yagodinka 2 and some issues of housing construction on the Lower Don in the Late Bronze Age: abstract of Thesis PhD)*. St. Peterburg (in Russian).
- 42 Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Lebedeva, E. Y., Agapov, S. A., Lunkov, V. Y., Orlovskaya, L. B., Teneyshvili, T. O., Valkov, D. V. 1999. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 1, 77-102 (in Russian).
- 43 Chizhevskiy, A. A. 2007. *Arheologiya i estestvennyye nauki Tatarstana. Problemy izucheniya pervobytnosti i golocena v Volgo-Kam'e (Archaeology and natural sciences of Tatarstan. Problems of studying primitiveness and Holocene in the Volga-Kamye)*. Kazan: "Alma-Lit" Publ., 93-112 (in Russian).
- 44 Sharafutdinova, I. N. 1982. *Stepnoe Podneprovie v epohu pozdney bronzy (Steppe Dnieper region in the Late Bronze Age)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- 45 Ankushev, M., Faizullin, I., Artemyev, D., Blinov, I. 2022. In: *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2020. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. Springer, Cham, 41-52 (in English).
- 46 Ankushev, M. N., Faizullin, I. A., Blinov, I. A., Artemyev, D. A. 2023. *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. Springer, Cham, 244-252 (in English).
- 47 Goryachev, A. A., Frachetti, M. D. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (16), 24-56 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 29.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.12.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 06.12.2023.

